

КОГНИТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫРАЖЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

М.П. Котюрова, Л.В. Кушнина, Е.В. Аликина

Аннотация. Обсуждается проблема выражения категории определенности / неопределенности в научном тексте. Обосновывается актуальность темы в научно-познавательном отношении. Исследование научного текста как формы представления научного знания связано как с процессом, так и с результатом познавательной деятельности ученого, что обуславливает двойственную природу научного знания и научного текста. С одной стороны, текст статичен: он предлагает определенные дефиниции исследуемым явлениям, что придает ему определенность; с другой стороны, текст динамичен: он постоянно в поиске нового, неизведанного, неопределенного. При создании научного текста происходит скрытый диалог между знанием и незнанием, что свидетельствует о когнитивном мышлении автора, а также об амбивалентном характере познающей языковой личности. Материалом исследования послужили тексты диссертаций и авторефератов по филологическим наукам на русском языке, а также текст монографии на французском языке и переводной научный текст с русского языка на французский. Исследование проводилось на основе методов функциональной стилистики и синергетики в русле антропоцентрического и когнитивного подходов. Описаны лингвокогнитивные предпосылки исследования текстовой категории определенности / неопределенности, показан характер ее выражения, выявлена ее значимость в создании функционально-семантической целостности текста. Особое внимание уделено динамике функционирования данной категории в научном тексте. В результате проведенного анализа установлено, что эффективность восприятия содержания текста научного произведения обусловлена проявлением когнитивной функции языковых единиц с присущими им свойствами определенности и неопределенности.

Ключевые слова: научный текст; функционально-семантическая целостность текста; когнитивная функция; амбивалентная языковая личность; категория определенности / неопределенности.

Введение

«Когнитивную функцию можно определить очень просто: с помощью языка можно обозначить словами (или знаками) не только вещи воспринимаемого мира, фиксируя их в памяти, но и результаты мышления, которые связываются при помощи названий в единое целое. Этот зафиксированный в языке мир результатов мышления образует – как итог познавательных процессов – внутреннюю реальность, по отношению к которой операции мышления могут быть применены точно так же, как к продуктам восприятия внешнего мира» [1. С. 13]. Именно

такой подход к трактовке когнитивной функции будем иметь в виду, описывая специфику научного текста.

Содержание научного текста, несомненно, статично, так как представляет собой результат, продукт научно-познавательной деятельности. Но одновременно оно и динамично. Динамический характер научного знания обеспечивается влиянием многих экстралингвистических факторов, в частности, самим содержанием – научным знанием, его открытостью, а также определенной хаотичностью мышления, степенью интуитивности индивидуального стиля мышления ученого. Все эти компоненты научной творческой деятельности с неизбежностью требуют использования уже «готовых» и формирования не только отдельных новых языковых средств, в частности терминов, но и единиц, способных акцентировать те или иные свойства (категории) мышления и речи.

Как известно, одним из базовых когнитивных свойств, т.е. категорий мышления, языка и речи, является определенность / неопределенность «кванта» мысли, содержания языковой единицы и высказывания (разного объема). Целью статьи является обоснование актуальности обсуждаемой темы, ее значимости в научно-познавательном отношении, в частности, для продвижения нового, полученного автором знания в общий научный фонд.

Мы ставим две основные задачи: 1) наблюдения над выражением определенности / неопределенности в текстах оглавлений сопоставительно с основными текстами кандидатских диссертаций на русском языке в культурно-речевом плане; 2) употребление языковых единиц со значением определенности / неопределенности в тексте монографии на французском языке, а также в переводном тексте научной статьи с русского языка на французский. Но самое главное заключается в том, чтобы обратить внимание авторов (естественно, в большей степени – молодых ученых) на «узкие места» в порождении научного текста.

Материалом для предварительных наблюдений послужили тексты трех кандидатских диссертаций и их авторефератов на русском языке и научные тексты на французском языке в области филологических наук. Осознавая недостаточность проанализированного материала и ни в коей мере не претендуя на достоверность обобщений, сошлемся на оценку значимости научной рациональности в более широкой области – философии науки: «Явно, что выводы, основанные на малом количестве фактов, могут быть правильными, но могут быть и только частично правильными или оказаться неправильными... Можно фиксировать отдельные факты. Но можно... объяснять факты... задавать вопрос, почему так происходит... Важно подчеркнуть, что “объяснение” требует больших – более “глубоких” – знаний, чем простая фиксация фактов» [2. С. 18].

В отношении научного текста степень выраженности неопределенности либо определенности можно соотнести со значимостью содержания целого текста в беспредельном пространстве научного знания, в науковедении условно дифференцированного на «науку переднего края», «ядро науки» и «историю науки» [3]. Такая возможность обусловлена спецификой самого познавательного процесса – стремлением к непознанному, значит, неопределенному. Кстати, отсутствие определений, особенно дефиниций, в научном тексте отнюдь не свидетельствует о небрежности или явной незаконченности работы над текстом. Известный пример: физикам понятен метафорический термин «пушистое множество», но до сих пор никто не дал ему определения. Конечно, именно определение (дефиниция) научного понятия представляет собой одно из сильных средств (пожалуй, наряду с законом), которое «встраивает» новое, полученное автором в обширный уже имеющийся фонд научного знания. Бесспорно, что процесс «встраивания» (или пристраивания) нового в весьма значительной степени зависит от сложности знания, его многогранности, многоплановости, разноаспектности осмысления знания и т.д. Не случайно так необходимым для продвижения идей Ландау в науку явилось сотрудничество с Лившицем, который применял математический аппарат к разработке выдвинутых идей, делая их доступными для физиков. При развертывании именно нового, концептуального, знания всегда имеются гипотетические, не обоснованные до конца элементы, значит, новое знание по природе своей психологично, а достоверность его всегда относительна. Условность дифференциации высказываний на определенные и неопределенные бесспорна, поскольку совокупность единиц с этими значениями как в языковой системе, так и в речевом контексте имеет диффузный характер.

Лингвокогнитивные предпосылки исследования текстовой категории определенности / неопределенности

В качестве обоснования актуальности вопроса о выражении определенности / неопределенности высказывания примем за исходные следующие положения:

1. Учтем интереснейшее суждение проф. А.Г. Лыкова о предварительном промысливании речи: «Промысливание речевой цепи несколькими мгновениями бежит впереди (т.е. раньше) ее проговаривания» [4. С. 10]. Именно промысливание дает возможность предположить, что, несмотря на «незнаемость», уже перед созданием текста автор имеет какие-то контуры-характеристики по отношению к полученному им знанию. К таким наиболее общим характеристикам можно отнести определенность / неопределенность. Это свойство знания обычно

эксплицировано в тексте либо открыто, подчеркнуто, причем ко всей излагаемой концепции, либо эта характеристика «рассеяна» по разным высказываниям и их компонентам. Понятно, что в так называемых артиклевых языках определенность / неопределенность высказывания представлена наиболее четко (посредством соответствующих артиклей), в то время как в русском языке это свойство речи формируется совокупностью языковых единиц (см. об этом, например, в [5]). Промысливание представляется чрезвычайно важным моментом в абстрактном мышлении, так как обуславливает отбор (является условием отбора) языковых единиц и их сочетания для формирования текста. Каких единиц – общеизвестных, общепринятых, стандартных, но неточно выражающих мысль автора (если сконцентрировать на ней внимание), или приложить интеллектуальные усилия к точному выражению мысли, возникшей в момент промысливания? На наш взгляд, в ответе должно доминировать стремление к точности выражения научной мысли.

2. Даже предварительное ознакомление с материалом показало, что в любом научном тексте рассматриваемая характеристика эксплицируется (естественно, что в разной степени) как языковыми, т.е. специальными, средствами, так и речевыми единицами, контекстуально ориентированными на выражение определенности / неопределенности. И можно сказать, что данное свойство речи вполне укладывается в ложе «амбивалентности как одного из законов человеческой природы, а именно закона одновременности разнохарактерных (часто противоположных) проявлений» [6. С. 3]. Будем учитывать, что соотношение двух смысловых компонентов – определенности и неопределенности знания – дает возможность интерпретировать содержание научного текста в соответствии с более общими закономерностями порождения научного текста под воздействием амбивалентной языковой личности. Такая интерпретация возможна потому, что данной языковой личности, допустим, присущ рациональный стиль мышления, однако неизбежно хотя и с проявлением (обычно доминирующим) либо логического, либо психологического (интуитивного) компонентов. Понятие амбивалентной языковой личности предоставляет возможность соотнести определенность / неопределенность высказывания с когнитивным принципом, вслед за Ж. Деррида получившим название *differance*. Это понятие связано со способностью любого знака передавать *одновременно* сходство и различие. Как пишет проф. Н.Н. Белозерова, «основными положениями концепции Дерриды являются утверждения, что (1) *в центре существования стоит различие (difference), а не сущность*; (2) *знаки могут представлять значения только через differance (различие + общие характеристики)*. В отличие от Соссюра, который рассматривал только лингвистический знак, Деррида расширил область применения *differance*» [7. С. 246].

На наш взгляд, область применения функции *difference*, в высшей степени присущей именно словам широкой эпистемической семантики, можно расширить. Применительно к научному тексту функционально-семантическое расширение слов широкой семантики возможно благодаря тому, что они в совокупности формируют особый эпистемический план действительности. Забегая вперед, можно сказать, что и в отдельных высказываниях, и в целом тексте эти единицы актуализируют лишь самые общие семы, именно семы сходства и различия не только «общего и частного» [7], «абстрактного и конкретного» [8], но и «определенного и неопределенного высказывания». Как представляется, слова широкой семантики в научном тексте играют особую роль, занимая позицию в «пункте стыковки», месте встречи коммуникантов в процессе восприятия текста – виртуального автора, которому «все понятно», для которого все определено, и реального читателя с его конкретной установкой на восприятие содержания – в общей форме или в частностях, т.е. как известное, уже определенное, или новое, неизвестное, еще не определенное и т.д. Иначе говоря, читатель воспринимает содержание текста в его состоянии *difference* – единства свойств целостной сущности.

3. Как было установлено ранее [9. С. 122–139], определенность / неопределенность как скрытый диалог между знанием и незнанием представлена в тексте хотя и редуцированно, но свидетельствует о таком когнитивном свойстве мышления автора, как ригидность / гибкость. Интересно, что анализ выражения в научном тексте амбивалентного свойства познающей языковой личности подтвердил основное заключение Н.С. Котовой относительно соотнесенности характеристик содержания (в нашем случае – определенности / неопределенности): «С одной стороны, без основных средств амбивалентности установка определялась бы как расплывчатая. Но, с другой, если бы она ограничивалась только ими, то превратилась бы во фрагментарную, не связывалась бы с семантико-грамматической целостностью текста. А целостность особенно существенна, когда выявляется амбивалентность представленной в тексте языковой личности» [6. С. 36].

4. Согласно наблюдениям Н.К. Рябцевой, неопределенность и потребность ее снять являются причиной желания знать, а причиной отсутствия такого желания, т.е. определенностью, является безразличие к происходящему [10]. Автор анализирует такое свойство субъекта, как «желание знать», которое зафиксировано в русском языке словами «любопытность» и «любопытство». Подчеркивая идею неравнозначности этих понятий, Н.К. Рябцева характеризует любопытность как коммуникативно менее активное качество, однозначное, имеющее позитивную оценку, семантически непродуктивное. В то время как любопытство семантически активно, имеет множество производных и

родственных слов, связано с многими другими понятиями, прагматически нагружено, что «в совокупности отражает его ключевое положение в характеристике ментальной сферы человека» [10. С. 284]. Вполне логичным представляется вывод о взаимодополнительности любопытства и любознательности, так как «первое служит толчком ко второму... Для того чтобы “любить, получать предметные / научные знания”, нужен первотолчок: вопрос, заинтересованность, желание узнать нечто новое...» [Там же. С. 315]. Желание знать имеет в языке прямое выражение и воплощение.

Характер выражения определенности / неопределенности в научном тексте

В научном тексте любого жанра – как монографии, так и диссертации – знание выражено «субъективированно». С одной стороны, это продукт познавательной деятельности субъекта с присущей ему индивидуальностью, с другой же – ясно, что форма этого «субъективированного» продукта социально закреплена, «одобрена» предшествующим опытом. Надо сказать (не обобщая в целом), что современные кандидатские диссертации, по-видимому, преимущественно посвящены комплексному исследованию выявленных проблем посредством *применения* с элементами *развития* (термины из [11]) теоретического положения к материалу и поиску эмпирических аргументов рассматриваемого утверждения. Важно подчеркнуть, что «теоретическое знание представляет собой систему, в которой оценочные суждения и суждения о фактах связаны между собой и представляют вместе объективную истину. При отсутствии оценки в исследовании фактов происходит их фетишизация. Оценка ни в коей мере не нарушает объективного хода исследования» [12. С. 16]. Вместе с тем следует отметить именно в диссертациях избыточность не оценочных суждений о фактах (что когнитивно оправданно), а самооценки относительно полученного автором знания, особенно его новизны и значимости.

Оглавление диссертации – это сильное обобщение большой научно-познавательной работы социума исследователей – предшественников, современников и самого автора. Поскольку диссертация представляет собой научно-квалификационное произведение, то ориентирующая функция оглавления связана, прежде всего, с необходимостью эксплицировать методологическую квалификацию (отнюдь не аксиологическую, обусловленную оценкой значимости!) произведения с точки зрения его автора. Стремление наиболее точно и ярко эксплицировать методологическую квалификацию исследования неизбежно приводит к употреблению соответствующих номинаций. Методологически сильное обобщение осуществляется посредством номинаций та-

ких структурно-методологических параметров научного знания, как исследование, подход; опыт, эксперимент, трактовка, интерпретация, разработка, представление; идея, проблема, гипотеза, аргументы, явления, случаи, феномен, факты, понятие, классификация, типология, концепция, теория, закон, парадигма; единицы, компоненты, элементы, составляющие; анализ, инструмент, механизм, моделирование, модель; основания, данные, причины, условия, средства, процесс, функция, роль, результат, следствия, эффект; методы, способы, приемы; статус, место, свойства, признаки, особенности; аналогия, оппозиция, сопоставление, соотношение, сравнение, сходство, различия и мн. др. (см. об этом в [13. С. 95–114; 14. С. 345–360]).

Как видим, богатое языковое достояние, представленное методологически насыщенной лексикой, вполне готово к обслуживанию субъекта познавательно-коммуникативной деятельности в эпистемическом пространстве. Именно такие обобщения методологического характера, эксплицированные точными лексическими «сигналами», выполняют четкую навигационную функцию в процессе и создания, и восприятия научного текста. Необходимо подчеркнуть, что для использования таких лексических «сигналов» совершенно необходимо знание их содержания, установленного и описанного в науковедении. Кстати, обоснованно и целесообразно употребленные лексические «сигналы» свидетельствуют о стремлении к преодолению «информационного кризиса», который начал проявляться 50 лет назад, а в настоящее время только углубляется. По мнению науковедов, когда факты, добытые экспериментально, будут своевременно оцениваться и обобщаться, а теоретические положения сразу же проходить квалифицированную и беспристрастную проверку, тогда возникнут объективные условия для ликвидации информационного кризиса [15].

Определенность в единстве с неопределенностью представляют собой целостное амбивалентное свойство знания, поскольку языковые единицы отбираются автором под воздействием не только предзнания (фонового, взятого за определенное, общепринятое), но и знания нового, полученного исследователем в сомнениях, их преодолении на пути к уверенности в достоверности этого нового. Мы отмечали ранее [16. С. 363–370], что для обоснования нового знания автор использует слова широкой семантики типа *единица, система, структура, функция* и мн. др. Кстати, вслед за Е.Н. Толикиной можно уточнить, что «определения через номинации *совокупность, система, группа* являются не родовыми, т.е. классифицирующими, а идентифицирующими, которые строятся на основании комплексного использования параметра смысла и объема номинации» [17. С. 59]. Номинации подобного типа в функции исходных понятий, не определяемых (ясных) в данном тексте, наполнены методологическим содержанием. Важно, что такие слова

широкой семантики обозначают направление и «макропредел» познания данного объекта и предмета конкретного исследования. См., в частности: *проблемы языка, принципы исследования, теория метапоэтики, лингвоэнциклопедический подход, семиологический факт, разнородные элементы* (Г.Е. Селиверстова) и мн. др.

Вместе с тем это свойство со стороны как автора, так и читателя формируется неравномерно, так как автор оперирует абстрактными сущностями, наличие которых и автор, и читатель должны прежде всего обосновать и аргументировать. Здесь, несомненно, имеет место зеркальный процесс восприятия этих сущностей. С одной стороны, автор описывает их как результативные когнитивные сущности – в сопровождении *методологически* определенного кортежа – в виде таких номинаций, как *понятие, свойства, классификация, типология, гипотеза, концепция, теория, закон*. Эти и многие другие номинации широко представлены в оглавлениях, например к тексту диссертации. С другой стороны, это же оглавление читателем воспринимается как текст с доминантой неопределенности, поскольку методологические ярлыки не расшифровывают «семи печатей», за которыми скрывается содержание диссертации или монографии. Иначе говоря, важные методологические «сигналы», представленные словами широкой семантики типа *явление, единица, феномен, свойства, особенности, признаки, аспект, подход* и мн. др., выполняют двоякую функцию – обобщения, значит, определенности, а также актуализации новизны, значит, неопределенности. В силу сложности объекта научного рассмотрения любое утверждение, по-видимому, должно иметь некатегоричную, уступительную форму.

Остановимся на оглавлениях диссертаций. Как известно, оглавление – это определенный справочно-навигационный периферийный текст. Благодаря этому тексту читатель получает справку о целостной конструкции – относительно новом знании, заключенном в данном тематическом сегменте научно-познавательного пространства.

Обращение к изучению научного текста ставит вопрос о статусе субъекта коммуникации с текстом: кто он – автор, создающий текст; читатель (интересующийся проблемами научного знания, имеющий общенаучные, частнонаучные знания и т.п.), переводчик и т.д. Естественно, что в зависимости от статуса субъекта коммуникации с текстом содержание последнего формирует тот или иной дискурс, во всех случаях свой, причем всегда в большей степени *неопределенный*. Интересно, что содержание текста – с учетом рассматриваемого свойства, воспринимаемого заинтересованным читателем (исследователем) – является асимметричным, поскольку и по составу, и в отношении общего количества используется значительно больше единиц с контекстуальным значением неопределенности. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на неопределенность, дискурс ориентирован на обеспечение

успешной (всегда относительно успешной!) работы с текстом любого субъекта коммуникации.

Проиллюстрируем симметричность и асимметричность в составе языковых единиц с рассматриваемым значением. См., например, определенность: *всегда, никогда* – неопределенность: *иногда; обычно* – *редко; все* – *некоторые, отдельные; каждый, всякий* – *определенные; данный (этот)* – *другой, иной, прочие* и мн. др. Определенность подчеркивается посредством отрицания **не** зафиксировано **ни** одной амбивалентной единицы, **несколько не** умаляя значимости вышеуказанных исследований, потенциально **не менее** опасен, введения уточнения посредством вводных слов *в частности, например, а именно, союза то есть*. Уточнение осуществляется также благодаря употреблению присоединительных союзов *не только.., но и; как.., так и*.

Подчеркнем, что свойство определенности / неопределенности высказывания в связном научном тексте (не в оглавлениях) имеет диффузный характер, поскольку стремление автора к точности речи вполне обеспечивается различными, имеющимися в языковой системе языковыми единицами типа *все, никто* – *большинство* – *многие, ряд, круг* – *несколько, некоторые, часть, отдельные, определенные* – *какие-либо; всегда, никогда* – *обычно* – *часто* – *редко* – *иногда*; (со стороны субъекта) *невозможно* квалифицировать – (со стороны субъекта) *можно использовать, могут быть использованы*; (объект) *может* являться ложным – *может* размещаться – *может* варьироваться. Важно, что основной состав типичных средств, указывающих на квалификацию объема понятия, достаточно ограничен, и это определенно говорит о языковой оформленности данного логико-семантического комплекса. Творческий же характер речевого оформления этого комплекса проявляется в том, что автор сам может отыскать в языковой системе «строительный материал» для необходимых средств именно контекстуального типа.

Определенность / неопределенность научного текста как неотъемлемое свойство его функционально-семантической целостности

Здесь нельзя не сказать о том, что на отбор языковых единиц определенно воздействует когнитивный стиль автора, и в частности стиль мышления (будем иметь в виду, например, рациональный, характеризующийся ригидностью / гибкостью). Мы опираемся на исследования когнитивных стилей, осуществленные М.А. Холодной [18], и наши наблюдения над формированием *точных* определений (логически четких, определенных, с дефинитивным ядром) и логически нечетких (неопределенных). Стремление объяснить характер реализации установки

на точность привело нас к выводу о влиянии стиля мышления ученого на стиль изложения полученного знания [14]. При этом считаем возможным говорить о влиянии когнитивного стиля (который никто не отменял и отменить не может!) именно как биполярного свойства (по М.А. Холодной), хотя учитываем континуальность, диффузность характеристик познавательного процесса. Биполярность рационального стиля мышления мы соотносим с его компонентами – четко логическим и психологическим, т.е. нечетко логическим, континуальным, интуитивным, по существу неопределенным в формально-логическом отношении. Представляется, что ригидность коррелирует в большей мере с логичностью, а гибкость – с такими нечетко (формально) логическими свойствами мышления, как ассоциативность, метафоричность и др. Даже здравый смысл подсказывает, что научное творчество не может осуществляться каким-либо одним стилем мышления в «чистом» виде, ему присущи разные совокупности стилей мышления.

Интересно, что биполярность рационального стиля мышления предоставляет широкие возможности для формирования других стилей – установленных, получивших определенные очертания, и, несомненно, еще не установленных. В качестве примера приведем диссертационное исследование Г.Е. Селиверстовой, в котором обратим внимание на фрагмент «1.3. Структура метапоэтического текста А.Х. Востокова как отображение энциклопедического стиля его мышления». Представляется важным подчеркнуть, что «структура» рассматривается автором в строго линейном порядке: имплицитное, фоновое, словарное знание – *«Структура – внутреннее устройство»*; метапоэтический текст представляет собой «сложный способ организации элементов текста, включающий как основные... элементы, так и маргинальные» (Селиверстова, 48); стиль мышления – это «совокупность относительно устойчивых, стандартных представлений и исходных фундаментальных понятий, влияющих на творческую деятельность художника» [19. С. 24]; энциклопедизм как стиль мышления А.Х. Востокова определяется как *единство полюсов* его творчества – поэзии и науки.

Еще пример. Тема диссертационного исследования А.И. Байрамуковой «Метапоэтика и металингвистика “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля как толково-энциклопедического феномена». Стратегию А.И. Байрамуковой можно охарактеризовать как познавательное движение от неопределенного представления о *феномене* (предметной сущности) к полинеопределенной номинации *словарь комплексного (?) динамического (?) многомерного (?) толково-энциклопедического (?) типа*, а затем – к постепенному ограничению, сужению неопределенной сферы, т.е. к определенности, в частности: *герменевтическая традиция; «Корнесловная система построения словарной статьи... однокоренные слова* формируют дополнительное

смысловое пространство текста, *текст ветвится*, и многочисленные горизонты смыслов организуют *нелинейный характер текста*; *герменевтические принципы*; *лингвокультурологический текст*, связанный четкими межтекстовыми нитями; «книга врачующая», позитивно, *лингвотерапевтически воздействующая на читателя*; вершина всего *многогранного творчества ученого-энциклопедиста* и далее по данному вектору неопределенности – определенности.

Биполярность рационального стиля, можно сказать, испытывает «крен» в ту или иную сторону, однако, *подчиняясь* стандарту, активно насаждаемому, например, так называемым академическим письмом, проявляет тенденцию к утрате драгоценного свойства – индивидуальности письменной речи, а значит, индивидуальности мышления ученого. На наш взгляд, подчинение «низовых» публикаций (имеем в виду необходимые для защиты статьи диссертантов) стандарту уже приводит к определенным негативным последствиям. Так, в целом ряде проанализированных кандидатских диссертаций по языкознанию (без ссылок) слова широкой семантики как методологически насыщенные номинации используются не в *научном*, а в общеупотребительном значении: *проблема* как трудность, *структура* как состав, *элемент* как часть, *особенности* как свойства (без их сравнения) и др. На этом фоне «радуют глаз» подзаголовки без методологических претензий: «*Метафоры в языке как отголоски мифопоэтического мышления*», «*Эпистолярный как теоретическое подтверждение идей метапоэтических текстов*» и даже просто «*Опытное подтверждение*», ясное из контекста оглавления диссертации; см. также метафору *текст ветвится*, приведенную выше, и некоторые (весьма редкие) другие.

Обобщая вышеизложенное, подчеркнем, что эффективности восприятия содержания текста целого научного произведения, в частности диссертации, прежде всего способствует оглавление, ориентированное на создание функционально-семантической целостности. Формирование такой целостности возможно благодаря когнитивной функции языковых единиц, способных активно участвовать в оформлении внутренней реальности с присущими ей не просто различными, но даже противоположными свойствами, в частности определенности / неопределенности этой сущности.

Динамика определенности / неопределенности в научном тексте

Предполагая, что когнитивная функция языковых единиц в научном тексте обладает некоторыми общими чертами, перейдем к рассмотрению функционально-семантической целостности научного текста на материале французского языка, обращая внимание на характер выражения определенности / неопределенности высказываний в научном тексте.

В качестве материала для анализа мы используем монографию одного из основателей современного переводоведения, французского ученого Ж.-Р. Ладмираля [20]. Обратимся к анализу другого периферийного текста, который носит обобщающе-ориентировочный характер, – предисловии автора – и проследим, каким образом в тексте реализуется когнитивная функция определенности / неопределенности.

Автор текста рассуждает о двух противоположных стратегиях переводческой деятельности, что приводит к формированию двух типов переводчика – переводчик, ориентированный на автора оригинала (*sourcier*), и переводчик, ориентированный на читателя (*cibliste*). Поясним, что в русском языке нет специальных однословных терминов, обозначающих данное понятие, поэтому мы прибегаем к их описательному переводу. Во французском языке происхождение данных терминов представляется вполне логичным: если слово «*source*» переводится как «источник» (в данном случае – язык-источник, культура-источник, текст-источник), соответственно слово «*sourcier*» обозначает переводчика, ориентированного на текст-источник, т.е. на максимальное выражение интенций автора оригинала. Аналогично этому, слово «*cible*» переводится как «цель» (в данном случае – целевая культура, целевой язык, целевой текст как текст перевода), соответственно слово «*cibliste*» обозначает переводчика, ориентированного на язык и культуру перевода, на достижение понимания текста перевода его потенциальным получателем.

В предисловии к работе, опубликованной в 2015 г., Ж.-Р. Ладмираль поясняет, что термины «*sourcier*» и «*cibliste*» впервые введены им в статье «*Sourciers et ciblistes*» [20] в 1986 г. Несмотря на это, дискуссии по данному вопросу до сих пор не прекращаются, в результате чего теории перевода разделились на два лагеря. Сам ученый настаивает на том, что каждый должен выбрать свою позицию при переводе, поэтому монография имеет заголовок «*Sourciers ou ciblistes*». Как видим, если в работе 1986 г. автор использовал союз «*ET*» («и»), предполагающий отношение «и то, и другое», то в работе 2015 г. он использует союз «*OU*» («или»), предполагающий отношение «или то, или другое»: «...*il faut nécessairement faire un choix: on sera ou un sourcier ou un cibliste*» (необходимо сделать выбор: либо вы ориентируетесь на текст-источник и на культуру автора, либо вы ориентируетесь на потенциального реципиента и на принимающую культуру. – Здесь и далее перевод наш. – Авт.).

Проанализируем теперь, как происходит динамика определенности / неопределенности в тексте авторского предисловия как относительно самостоятельного, целостного произведения. При изучении текста предисловия выясняется, что автор впервые употребил данные термины на научной франко-британской конференции, которая проходила в Лондоне 18 июня 1983 г., и это были импровизированные термины, которые родились в ходе дискуссии. И если на начальном этапе речь

шла лишь о словах, то постепенно стало ясно, что проблема гораздо глубже, так как она затрагивает подходы к переводческой деятельности, возможно даже, мировоззрение переводчика, ориентированного на ту или иную переводческую стратегию.

Обратим теперь внимание на текстовые маркеры определенности / неопределенности. Текст предисловия начинается с вопроса: «*Pourquoi ce titre?*» («Почему такой заголовок?»), который мы относим к выражению неопределенности. Постепенно характер неопределенности сужается, о чем можно судить по таким текстовым маркерам, как: *la petite difference – небольшое различие; il y a deux attitudes partageant les traducteurs et les théoriciens de la traduction en deux camps – существуют два типа отношений, разделяющих переводчиков и теоретиков перевода на два лагеря; le titre du present ouvrage entend se situer au Coeur meme de la demarche de traduire – заголовок данной работы подразумевает, что проблема заложена в самой сущности подхода к переводческой деятельности*. Как видим, мысль развивается от частного к общему, переходя от незначительного различия между словами к существенному разграничению научных подходов. Кульминацией этой мысли становится следующее высказывание: *Le couple conceptuel sourciers / ciblistes désigne le clivage d'une alternative dichotomique, autant et plus que le continuum d'une polarité. – Концептуальная пара... обозначает расхождение дихотомической альтернативы более существенное, чем континуум полярности*.

Таким образом, автор снимает неопределенность. Читателю становится ясно, что от первого заголовка, где две стратегии перевода объединены союзом «и», до второго заголовка, где они объединены союзом «или», Ж.-Р. Ладмираль прошел определенный научный путь, поэтому он утверждает, что и практики перевода, и теоретики перевода также должны определиться и выбрать приемлемую стратегию.

Другим источником нашего анализа стал перевод научной статьи с русского языка на французский в сфере переводоведения. Эта статья была подвергнута правке носителем языка. Как показал наш предварительный анализ, большая часть исправлений касалась именно использования артиклей, так как понятие определенности не только по-разному трактуется автором и читателем, но и носителями разных языков. Русскоязычный переводчик, владеющий нормами французского языка, допускает ошибки именно потому, что категория определенности / неопределенности по-разному выражается в этих языках: лексическим способом ее выражения в русском языке соответствуют грамматические способы во французском.

Во-первых, поясним, что в данном случае в качестве субъекта-автора текста выступает переводчик, поэтому проявление когнитивной функции отражает позицию языковой личности переводчика, создающего свой текст, неидентичный исходному, но соотносимый с ним по

смыслу, иными словами, гармоничный. Идея гармонии реализуется в наших работах в свете концепции переводческого пространства: «Переводческое пространство мы расцениваем как синергетическую модель перевода, как некую абстрактную схему, которую создает в своем сознании переводчик с целью порождения качественного – гармоничного перевода, который по своей эстетической ценности стоит выше, чем адекватный или эквивалентный перевод» [21. С. 24].

Во-вторых, как было отмечено выше, языковые формы выражения определенности / неопределенности в таких разноструктурных языках, как русский и французский, существенно различаются, что обуславливает расхождения в интерпретации данных категорий и влияет на выражение когнитивной функции в тексте.

В-третьих, во французском языке есть специальное грамматическое средство выражения определенности / неопределенности (детерминации) – артикль.

Основные положения, касающиеся сопоставления форм выражения детерминации в русском и французском языках, изложил В.Г. Гак [22]. Как было установлено, в русском языке категория детерминации отсутствует, а значения находят выражение в таких лексико-грамматических средствах, как порядок слов, некоторые разряды местоимений и количественно-определятельные прилагательные. В.Г. Гак подчеркивает трудность установления соответствий между этими грамматическими категориями: «Трудность установления параллелизма между французским артиклем и средствами русского языка усугубляется тем, что артикль реализует различные оттенки значений в зависимости от семантики того существительного, которое он сопровождает, да и от значения высказывания в целом» [Там же. С. 27]. Ученый объясняет наличие семантических сдвигов и стилистических оттенков, свойственных употреблению французского артикля. При этом грамматическая традиция выработала наличие в русском языке эквивалентов, соответствующих употреблению определенного, неопределенного, партитивного артиклей, а также неупотреблению артикля, что имеет вполне определенное значение во французском языке.

В процессе функционирования оппозиция определенный / неопределенный артикль (*le / un*) выражает противопоставление качественной определенности / неопределенности, оппозиция определенный / частичный артикль (*le / du*) выражает противопоставление количественной определенности / неопределенности, артикли множественного числа (*les / des*) выражают как качественную, так и количественную определенность / неопределенность.

Проиллюстрируем высказанные положения примерами 1)–4). В первой строчке в квадратных скобках мы цитируем исходные предположения, во второй приведены верные варианты использования артик-

ля, в третьей строчке дан наш перевод. Жирным шрифтом выделены те фрагменты текста, которые содержат исследуемый феномен: во французском языке это существительное с артиклем, в переводе на русский язык это может быть местоимение, местоимение-прилагательное и др.

1) [*Des recherches appartiennent **aux langues** différentes*]

*Des recherches appartiennent à **des langues** différentes.*

*Исследования принадлежат **самым** разным языкам.*

Как видим, в первом случае употреблен слитный артикль *aux*, который является результатом слияния предлога с определенным артиклем *à+les*. Во втором случае предлог предшествует неопределенному артиклю, что не требует слияния. Чем обосновано употребление неопределенного артикля носителем языка? Как явствует из пояснений В.Г. Гака относительно употребления неопределенного артикля, возможна разная степень выражаемой неопределенности, что обусловлено, среди прочих факторов, информативной стороной всего высказывания. Так, если при переводе мы подчеркнем, что речь идет о самых разных языках, мы усилим степень неопределенности высказывания.

2) [*sous **les** formes différentes*]

*sous **des** formes différentes*

в различных формах

Проанализируем представленный выше пример. В данном случае определенный артикль в исходном тексте, употребленный русскоязычным переводчиком, оказался неприемлемым с точки зрения носителя языка, франкоязычного исследователя, предложившего заменить определенный артикль неопределенным. Мы можем предположить, что неопределенность высказывания со стороны носителя языка обусловлена использованием прилагательного с неопределенным значением: действительно, «различные формы» означает формы, которые точно неизвестны, следовательно, не определены говорящим / пишущим субъектом.

3) [*sa poésie n'a pas perdu **de** sens profonds*]

*Sa poésie n'a pas perdu **ses** sens profonds*

Его поэзия не лишена глубоких смыслов

В данном случае мы наблюдаем замену носителем языка предлога *de*, употребляемого при отрицании вместо артикля, притяжательным местоимением *ses*, которое усиливает характер детерминации как определенности. Это значит, что во французском языке притяжательные прилагательные, которые являются детерминативами наряду с артиклями, употребляется гораздо чаще, чем в русском.

4) [*vivre dans **le** monde uni*]

*vivre dans **un** monde uni*

жить в едином мире

Анализируя данный пример, мы также отмечаем расхождения в трактовке определенности / неопределенности русскоязычным пере-

водчиком и его франкоязычным коллегой. Используя неопределенный артикль, носитель языка подчеркивает уникальность мира. Вероятно, это обусловлено тем, что в его распоряжении есть специальное грамматическое средство – артикль, которое помогает ему более точно и определенно выразить свое отношение к высказыванию.

Как показали представленные выше примеры, во французской грамматике, следовательно, в сознании носителей французского языка существует собственная, уникальная шкала определенности / неопределенности, которая имеет относительные эквиваленты в русском языке, но которые не покрывают всей гаммы отношений между соотносимыми единицами двух языковых систем.

Заключение

Таким образом, в рамках данной статьи была выдвинута идея о том, что в научном тексте, в частности в тексте диссертаций, можно вычленить общетекстовую категорию определенности / неопределенности. Как показал анализ диссертационных исследований в области филологических наук, степень выраженности категории определенности / неопределенности высказываний в научном тексте обусловлена спецификой познавательного процесса, вектор которого можно определить как движение к неопределенному, т.е. непознанному, поэтому разрывание нового знания гипотетично и относительно.

Вместе с тем именно единство определенности и неопределенности, будучи амбивалентным свойством знания, становится неотъемлемым свойством функционально-семантической целостности научного текста, а формирование такой целостности обусловлено когнитивной функцией языковых единиц, образующих высказывание. Эта идея нашла подтверждение на материале французского языка, как на примере предисловия автора к научной монографии, так и на примере перевода научной статьи с русского языка на французский. Было показано функционирование разных способов выражения и динамического развития в тексте данной категории. Проведенное исследование подтверждает, что амбивалентная категория определенности / неопределенности имеет общелингвистическую значимость, а ее когнитивная природа есть неотъемлемое свойство человеческого интеллекта.

Литература

1. *Кликс Фр.* Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / пер. с нем. ; под общ. ред. Б.М. Величковского. М. : Прогресс, 1983. 302 с.
2. *Лоопе Э.Н.* Онтическая и научная рациональности: проблемы для философии общественных наук // Когнитивные аспекты научной рациональности. Фрунзе, 1989. С. 8–22.

3. **Степин В.С.** Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики). Минск, 1976. 320 с.
4. **Лыков А.Г.** Смена парадигмы: от слова к предложению (О главной единице языка) // Континуальность и дискретность в языке и речи. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, Просвещение-Юг, 2007. С. 9–13.
5. **Овчинникова Е.В.** Грамматикализация неопределенного местоимения «один» (на материале македонского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. 24 с.
6. **Котова Н.С.** Амбивалентная языковая личность: лексика, грамматика, прагматика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 39 с.
7. **Белозерова Н.Н.** Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 252 с.
8. **Котюрова М.П., Соловьева Н.В.** Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2017. 204 с.
9. **Котюрова М.П.** Стилистика научной речи. М. : Академия, 2012. 240 с.
10. **Рябцева Н.К.** Язык и естественный интеллект. М. : Academia, 2005. 640 с.
11. **Швырев В.С.** Научное познание как деятельность. М. : Политиздат, 1984. 232 с.
12. **Степанов С.Д.** Оценка и ее роль в познании : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1972. 24 с.
13. **Котюрова М.П.** Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1988. 170 с.
14. **Котюрова М.П.** Точность речи в аспекте индивидуального стиля мышления ученого // *Stylistyka* / гл. ред. St. Gajda. Т. 6. Русская стилистика. Opole, 1997. С. 345–360.
15. **Кочергин А.Н., Цайер З.Ф.** Информационный кризис и некоторые особенности производства информации в науке // Методологические проблемы науки. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1976. Вып. 4. С. 3–12.
16. **Котюрова М.П.** Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX в. / под ред. М.Н. Кожинной. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 1996. Т. 2, ч. 1. С. 341–369.
17. **Толикина Е.Н.** О некоторых правилах толкового словаря // Современная русская лексикография. 1976. Л. : Наука, 1977. С. 54–70.
18. **Холодная М.А.** Когнитивные стили как проявление своеобразия индивидуального интеллекта. Киев, 1990. 73 с.
19. **Штайн К.Э., Петренко Д.И.** Лермонтов и барокко. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2007. 454 с.
20. **Ladmiral J.-R.** *Sourciers ou ciblistes. Les profondeurs de la traduction.* Editions Les Belles Infidèles, 2015. 311 p.
21. **Кушникова Л.В.** Динамика языкового пространства перевода в пространстве культуры // Стереотипность и творчество в тексте. 2017. Вып. 21. С. 23–31.
22. **Гак В.Г.** Русский язык в сопоставлении с французским. М. : Рус. яз., 1988. 268 с.

Сведения об авторах:

Котюрова Мария Павловна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). E-mail: kotyurova@yandex.ru

Кушнина Людмила Вениаминовна – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: lkushnina@yandex.ru

Аликина Елена Вадимовна – доктор педагогических, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследова-

тельского политехнического университета (Пермь, Россия). E-mail: elena-alikina@yandex.ru

Поступила в редакцию 22 мая 2018 г.

THE COGNITIVE FUNCTION OF EXPRESSING DETERMINATION / INDETERMINATION OF UTTERANCES IN A SCIENTIFIC TEXT

Kotuyurova M.P., Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of Department of Russian Language and Stylistic, Perm State National University (Perm, Russia). E-mail: kotuyurova@yandex.ru

Kushnina L.V., Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia). E-mail: lkushnina@yandex.ru

Alikina E.V., Dr.Sc. (Education), Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia). E-mail: elenaalikina@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/42/5

Abstract. The article deals with the issue of expressing the determination/indetermination category in a scientific text. The aim of the paper is to prove the topicality of the problem in terms of its scientific and educational value. Studying the scientific text as a form of presenting scientific knowledge is connected with both the process and result of a scientist's cognitive work which explains the dubious nature of scientific knowledge and scientific text. On the one hand, the text is static: it gives concrete / specific definitions to the phenomena in question, which endows it with determination. On the other hand, the text is dynamic: it is constantly moving searching for something new, unexplored, and undetermined. When a scientific text is created there is an implicit dialogue between knowledge and non-knowledge that demonstrates the author's cognitive thinking and the ambivalent character of his learning language identity. The materials the article illustrates are theses and abstracts of theses on philology written in Russian as well as a monograph's text written in French and a scientific text translated from Russian into French. The research is based on the methods of functional stylistics and synergetics within the anthropocentric and cognitive framework. The article describes the linguo-cognitive background for researching the text category of determination / indetermination, shows the nature of its expression, reveals its significance for creating the functional-semantic cohesion of a text, and demonstrates the dynamics of this category in a scientific text. The analysis revealed that the efficient perception of the content of a scientific work depends on the cognitive function of language units with their inherent features of determination / indetermination.

Keywords: scientific text; functional-semantic cohesion of a text; cognitive function; ambivalent language identity; determination / indetermination category.

References

1. Kliks Fr. (1983) Probuzhdajushheesja myshlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta [Erwachendes Denken. Eine Entwicklungsgeschichte der menschlichen Intelligenz] / Transl. from German. Ed. B.M. Velichkovskogo. Moscow: Progress.
2. Loone Je.N. (1989) Onticheskaja i nauchnaja racional'nosti: problemy dlja filosofii obshhestvennyh nauk [Ontical and scientific rationalities: problems of social philosophy] // Kognitivnye aspekty nauchnoj racional'nosti. Frunze. pp. 8–22.
3. Styopin V.S. (1976) Stanovlenie nauchnoj teorii (Soderzhatel'nye aspekty stroenija i genezisa teoreticheskikh znaniy fiziki) [The formation of a scientific theory (The content aspects of the structure and genesis of theoretical knowledge of physics)]. Belorus. un-t. Minsk.

4. Lykov A.G. (2007) Smena paradigmy: ot slova k predlozheniyu (O glavnoi edinice yazyka) [Paradigm change: from word to sentence (About the main language unit)] // Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i rechi. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, Prosveshhenie–Jug. pp. 9–13.
5. Ovchinnikova E.V. (2008) Grammatikalizaciya neopredelennogo mestoimenija «odin» (na materiale makedonskogo yazyka) [Grammaticalization of an indefinite pronoun *one* (in Macedonian language)]. Abstract of Philology cand. diss. Perm.
6. Kotova N.S. (2008) Ambivalentnaya jazykovaja lichnost': leksika, grammatika, pragmatika [Ambivalent language personality: vocabulary, grammar, pragmatics]. Abstract of Philology doc. diss. Krasnodar.
7. Belozeroва N.N. (2010) Mir realniy i mir virtualniy: dve ekologicheskie sistemy [Real and virtual world: two ecological systems]. Tyumen: Izd-vo Tyumen. un-ta.
8. Kotyurova M.P., Solovyova N.V. (2017) Sovremennyy nauchnyj tekst (skvoz' prizmu diskursivnyh izmenenij) [Modern scientific text (through discourse changes)]. Perm: Izd-vo Perm. un-ta.
9. Kotyurova M.P. (2012) Stilistika nauchnoj rechi [Stylistics of scientific speech]. Moscow: Izdatelskiy centr Akademiya.
10. Ryabceva N.K. (2005) Jazyk i estestvennyy intellekt [Language and natural intelligence]. Moscow, Academia.
11. Shvyrev V.S. (1984) Nauchnoe poznanie kak dejatel'nost' [Scientific cognition as an activity]. Moscow: Politizdat.
12. Stepanov S.D. (1972) Ocenka i ee rol v poznanii [Evaluation and its role in cognition]. Abstract of Philology cand. diss. Moscow.
13. Kotyurova M.P. (1988) Ob ekstralingvisticheskikh osnovaniyakh smyslovoi struktury nauchnogo teksta (Funkcionalno-stilisticheskij aspekt) [About extra-linguistic basis of semantic scientific text structure (Functional stylistic aspect)]. Krasnoyarsk.
14. Kotyurova M.P. (1997) Tochnost' rechi v aspekte individual'nogo stilja myshleniya uchenogo [Speech accuracy in individual thinking style of a scientist] // Stilistika / Ed. St. Gajda. V. 6. Russkaya stilistika. Opole. pp. 345–360.
15. Kochergin A.N., Cajer Z.F. (1976) Informacionnyy krizis i nekotorye osobennosti proizvodstva informacii v nauke [Information crisis and some particularities of information production in science] // Metodologicheskie problemy nauki. V. 4. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t. pp. 3–12.
16. Kotyurova M.P. (1996) Vyrazhenie epistemicheskoi situacii v periferiynykh tekstakh tselogo proizvedeniya // Oчерки istorii nauchnogo stilja russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XXv. / Ed. M.N. Kozhina. Perm: Izd-vo Perm. un-ta. Vol. 2. P. 1. pp. 341–369.
17. Tolikina E.N. (1977) O nekotorykh pravilakh tolkovogo slovaryja [About some rules of explanatory dictionary] // Sovremennaja russkaja leksikografija. Leningrad: Nauka. pp. 54–70.
18. Kholodnaya M.A. (1990) Kognitivnye stili kak proyavlenie svoeobraziya individual'nogo intellekta [Cognitive styles as specific feature of individual intellect]. Kiev.
19. Shtain K.E., Petrenko D.I. (2007) Lermontov i barokko [Lermontov and Baroque]. Stavropol: Izd-vo SGU.
20. Ladmiral J.R. (2015) Sourciers ou ciblistes. Les profondeurs de la traduction. Ed. Les Belles Infidelles.
21. Kushnina L.V. (2017) Dinamika yazykovogo prostranstva perevoda v prostranstve kul'tury [Dynamic of translation language space in culture space] // Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Vol. 21. pp. 23–31.
22. Gak V.G. (1988) Russkij jazyk v sopostavlenii s francuzskim [The Russian language in comparison with French]. Moscow: Izd-vo Russkij jazyk.